

**ВЕЖЛИВОСТЬ КАК ОСНОВА
КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
(на материале немецко-русских
и русско-немецких разговорников XVIII–XIX вв.)**

Для цитирования: Соколюк М. А. Вежливость как основа коммуникативно-го поведения (на материале немецко-русских и русско-немецких разговорников XVIII–XIX вв.) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. 2023. Вып. 13. С. 294–314.
<https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.116>

Разговорник как тип текста, нацеленный на обеспечение основ общения в условиях отсутствия знания иностранного языка, предлагает большое количество формул вежливости для заранее очерченных коммуникативных ситуаций. В статье рассматривается проблема реализации категории вежливости в двуязычных разговорниках. Исследование нацелено на выявление особенностей коммуникативного поведения представителей немецкой и русской культур и анализ типичных для XVIII–XIX вв. языковых способов выражения вежливости как в немецком, так и в русском языке. Материалом для исследования послужили тексты немецко-русских и русско-немецких разговорников XVIII–XIX вв., охватывающих временной период с 1783 по 1900 г., которые создавались как для обучения немецкому или русскому языку, так и для практического использования во время путешествий. С помощью прагматического анализа описываются основные речевые акты реализации вежливости — «просьба» (в том числе «указание», «требование»), «благодарность», «комплимент», в которых, наряду с используемыми в современных языках, широко представлены и вышедшие из употребления формулы вежливости. Анализ речевых актов «просьба», «указание», «требование» иллюстрирует социальное противопоставление коммуникантов, что находит выражение в языковых маркерах вежливости. Диалоги с равными по положению людьми характеризуются преувеличенной вежливостью (*Erzeigen Sie mir die Gnade / den Gefallen* — ‘Окажите мне милость/любовь’), в то время как в общении с людьми более низкого социального положения формулы вежливости отсутствуют. Сравнение переводов показало единичные несоответствия немецкого и русского вариантов, которые объяснялись желанием «сгладить» грубость оригинала (*Prinесите нам еще кипятку!* — *Bringen Sie uns noch siedendes Wasser, bitte*). Разговорник, таким образом, отражает эпоху создания не только в содержании, но и в актуальных для времени его создания коммуникативных практиках.

Ключевые слова: разговорник, вежливость, формулы вежливости, коммуникативное поведение, просьба.

POLITENESS AS A BASIS OF COMMUNICATIVE BEHAVIOUR (based on German-Russian and Russian-German phrasebooks of the 18th and 19th centuries)

For citation: Sokoljuk M. A. Politeness as a basis of communicative behaviour (based on German-Russian and Russian-German phrasebooks of the 18th and 19th centuries). *German Philology in St. Petersburg State University*, 2023, iss. 13, pp. 294–314. <https://doi.org/10.21638/spbu33.2023.116> (In Russian)

Phrasebook as a type of text, aimed at providing the basis of communication in the situation of lack of foreign language knowledge, offers a large number of politeness formulas for definite communicative situations. The article deals with the problem of language expression of politeness in bilingual phrasebooks. The aim of the study is to distinguish communicative behavior peculiarities of representatives of German and Russian cultures and to analyze stable language units, typical for Russian and German in the 18th–19th centuries. The peculiarities of the linguistic expression of politeness are illustrated by examples from the texts of German-Russian and Russian-German phrasebooks of the 18th–19th centuries, covering the time period from 1783 to 1886, which were created both for teaching German or Russian, and for practical use during travels. With the help of pragmalinguistic analysis, the main speech acts of language expression of politeness are described — “request” (including “order”, “instruction”), “gratitude”, “compliment”, in which, along with those used in modern languages, there is also a widely represented range of the obsolete politeness formulas. The analysis of the speech acts “request”, “order”, “instruction” illustrates the social opposition of communicants, which is expressed with language markers of politeness. Dialogues with people of equal status are characterized by exaggerated politeness (*Erzeigen Sie mir die Gnade / den Gefallen* — ‘Окажите мне милость/любовь’), while in communication with people of a lower social status there are no politeness formulas. Comparison of translations showed isolated inconsistencies between the German and Russian versions, which can be explained by the desire to “smooth out” the rudeness of the original (*Принесите нам еще кипятку!* — *Bringen Sie uns noch siedendes Wasser, bitte*). Phrasebook, therefore, reflects the era of creation not only in content, but also in communicative practices relevant to the time of its creation.

Keywords: phrasebook, politeness, politeness formulas, communicative behavior, request.

1. Лингвопрагматические особенности разговорника как типа текста

В самом общем виде разговорник можно определить как «собрание некоторого количества изолированных или связанных между собой фраз (реплик) на родном языке вместе с их переводом на не-

родной (иностранной) язык» [Норман 2002: 179]. Своеобразие этого типа текста состоит прежде всего в неопределенности статуса: это не учебник, так как его основная цель заключается не в обучении иностранному языку, а лишь в имитации знаний, в «обеспечении в условиях незнания (или неполного знания) иностранного языка некоторого минимума общения в заранее очерченных коммуникативных ситуациях» [Норман 2002: 179]. Разговорник нельзя назвать и словарем в его привычном понимании в силу тематического расположения материала и принципа составления, опирающегося на языковой опыт авторов, который неизбежно отражает субъективные представления о частотности употребления языковых единиц. Тем не менее тексты представленных в разговорниках диалогов соотносятся с реалиями, ситуациями и коммуникативными практиками языкового сообщества сообразно картине мира эпохи [Баева 2021]. Так как авторы разговорника стремятся включить как можно большее количество актуальных для времени его создания реалий, ситуаций и коммуникативных практик, разговорник неизбежно устаревает, как только устаревают эти реалии. Представляя собой своеобразного свидетеля эпохи, в которую он был составлен, разговорник «читается как увлекательный рассказ о прошлом, в котором все детали достоверны» [Сидорова 2016: 114].

Из этих особенностей вытекает ценность разговорника как источника исторической информации. Он предоставляет информацию, например, о товаре, ценах, денежных единицах, а также об упоминаемых событиях [Савич 1978]. Но для лингвистических исследований разговорник особенно ценен как источник информации о языке. Используя наиболее распространенные единицы речи, авторы разговорника тем самым фиксируют и языковые особенности определенного этапа развития языка: нормы орфографии и языкового употребления, принятые в обществе того или иного периода коммуникативные практики и т. д.

2. Исторические предпосылки массового издания немецко-русских разговорников в XVIII–XIX вв.

Возникновение типа текста «разговорник» связано с развитием межкультурных связей и необходимостью вести коммуникацию с представителями другого языкового сообщества, ведь «кто торговал, вступал в браки или принимал на службу иностранных ра-

бочих, и даже кто вел друг с другом войну, тому необходимо было в какой-либо форме объясняться со своими партнерами»¹ [Koch 2002: 30].

Первый известный нам рукописный немецко-русский разговорник (словарь-разговорник Т. Шrove) датируется 1546 г. Всего за период с 1546 по 1699 г. известны пять разговорников, при этом из названия публикаций не всегда понятно, кому принадлежит разговорник — автору-составителю или издателю [Баева 2021]. Разговорники этого периода использовались наряду с грамматиками, азбуками, вокабулярами, собраниями текстов и словарями в дидактических целях — для обучения иностранному языку [Koch 2002]. В XVII в. деловые контакты между русскими и немцами осуществлялись преимущественно на территории России, следовательно, иноземцы нуждались в изучении русского языка. Для этой цели богатые купцы отправляли иностранцев на поселение в Россию [Савич 1978]. Считается, что основа немецко-русских отношений была заложена в эпоху Просвещения, когда Петр I «прорубил окно в Европу» и началось массовое привлечение в Россию европейских специалистов, в первую очередь из немецких городов. Число немцев в России в течение XVIII в. стремительно росло, их можно было встретить практически во всех сферах экономической жизни, что способствовало укреплению роли немецкого языка как языка международного общения в России [Koch 2002].

Именно в XVIII в. начинается массовое издание разговорников [Левченко 2006]. К этому времени они уже не используются как пособия для изучения иностранного языка (несмотря на то что продолжают включать краткие грамматические указания и словарные пометы по употреблению лексем), эта функция переходит к учебнику. Разговорник теперь служит для определенной цели, как правило коммуникативной, отсюда и обозначения «разговоры» и «собрание употребительных речений». Вместо большого количества коммерческо-деловой и бытовой лексики разговорники включают разного рода страноведческую информацию [Баева 2021]. Появляются первые учебники живых европейских языков, которые часто сочетают в себе грамматику (теоретическую часть) и «диалоги/разговоры» (практическую часть). О.Г.Сидорова называет такое расширение

¹ «Wer miteinander Handel trieb, Ehen einging oder ausländische Handwerker in seinen Dienst nahm, ja selbst wer miteinander Krieg führte, der mußte sich mit seinen Partnern in irgendeiner Form verständigen können».

текста «типичным», так как оно встречалось в учебниках французского, немецкого и английского языков [Сидорова 2016: 109].

В XIX в. разговорники начинают приближаться к современным разговорникам для путешественников, часто авторы включают в издание несколько языков, учитывают жизненные ситуации. Самое распространенное обозначение этого пособия в XIX в. — «разговоры», а основная цель — практика устной речи. Издания этого периода являются сравнительно неизученным материалом вследствие большого количества альтернативных источников сведений о языке. Именно в XIX в. происходит оформление жанров разговорника: общие разговорники охватывают большой круг тем, связанный с разными областями жизни человека (учебные и туристические), специальные создаются для специалистов в определенных областях и фокусируют внимание на определенных темах (военные, медицинские). Термин «разговорник» становится гиперонимом, включающим в себя такие гипонимы, как дорожный (туристический), учебный, военный разговорник и др. [Левченко 2006].

Разговорники в XVIII–XIX вв., таким образом, представляют собой промежуточную стадию существования этого типа текста: они уже не записываются с голоса, как первые разговорники, а составляются и издаются для конкретных целей. Их особенность и отличие от современных разговорников заключается во включении связанных и подробных диалогов, охватывающих большой круг тем, что связано с многовековой, зародившейся еще в поздней Античности, традицией составления двуязычных тематических диалогов для изучения иностранного языка.

3. Вежливость как основа коммуникативного поведения

Неотъемлемой частью коммуникации в любой культуре является вежливость, соблюдение которой предписывают нормы речевого этикета, поддерживающего общение в эмоционально положительной тональности [Балакай 2001]. Речевой этикет связан с зоной устойчивых, стереотипных коммуникативных единиц языка и предполагает использование формул общения, которые не строятся каждый раз заново, а используются в готовом виде, при этом выбор формул в конкретном речевом акте является творческим процессом [Формановская 2005]. Формулы речевого этикета (формулы вежливости) определяют как закрепленные в каждом

языке «способы выражения наиболее частотных и социально значимых коммуникативных намерений» [Лазуткина 2000: 13]. Они представляют собой клише, использование которых обязательно в определенных ситуациях. Заранее предлагая ситуации общения, авторы разговорников включают также и большое количество релевантных для этих ситуаций формул вежливости, без которых невозможно представить общение между малознакомыми людьми (предполагаемое разговорником) с целью получения необходимой информации.

Как система стратегий, «соответствующих ожиданиям партнера» по коммуникации [Ларина 2009: 170], вежливость предполагает совпадение этих ожиданий, что отсылает к «теории имплицатур» Г. П. Грайса, выдвигающей на передний план общения контекст и языковые конвенции, на которые и опираются участники коммуникации в ее процессе [Auer 2013].

Принцип кооперации Г. П. Грайса акцентирует внимание на коммуникативном вкладе собеседников, на достижении общей цели: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога». [Грайс 1985: 223]. Выделяя четыре максимы общения (максима количества, максима качества, максима отношения и максима способа), способствующие достижению общей цели, Г. П. Грайс называет установку «Будь вежлив!» лишь «постулатом иной природы», не отрицая, что она также порождает неконвенциональные имплицатуры [Грайс 1985: 225]. Принцип вежливости, в свою очередь, связан не столько с общей целью, сколько с отношениями говорящих в структуре речевого акта, он направлен не на то, что и как говорится, а на то, кто и кому говорит. Дж. Лич отстаивает позицию, согласно которой общение регулируется в большей степени именно принципом вежливости, а не принципом кооперации, и выделяет такие максимы вежливости, как максима такта, великодушия, одобрения, скромности, согласия и симпатии [Leech 1983].

Вежливость действительно подразумевает излишние затраты языковых средств, которые нарушают прежде всего максиму количества, предписывающую выражать свои мысли настолько информативно, насколько возможно [Грайс 1985]. Эта излишняя информативность играет, однако, важную с точки зрения установления взаимоотношений роль — она «защищает лицо» другого и стабилизирует отношения [Vorderwülbecke 2001]. Разграничивая

«позитивное лицо» (положительный образ коммуникантов) и «негативное лицо» (недопустимость стороннего вмешательства в личное пространство), П. Браун и С. Левинсон отмечают, что их равновесие возможно лишь в идеальной коммуникации, в реальном общении существует большое количество речевых актов, которые «угрожают лицу» [Brown, Levinson 1987: 61].

Так как собеседники заинтересованы в поддержании и сохранении лица друг друга, то они вводят в коммуникацию определенные стратегии вежливости.

4. Реализация категории вежливости в разговорниках XVIII–XIX вв.

В качестве материала исследования послужили три немецко-русских и два русско-немецких разговорника, охватывающие временной период с 1783 по 1900 г. Названия немецко-русских изданий говорят об их дидактической направленности: «Собрание употребительных речений для желающих в короткое время обучиться говорить по-немецки» («Sammlung der gewöhnlichsten Redensarten zum Gebrauch der Anfänger, welche Deutsch wollen reden lernen», 1783), «Новые немецкие и российские разговоры, разделенные на 130 уроков, для употребления юношеству и всем начинающим учиться сим языкам» («Neue Deutsche und Russische Gespräche, in 130 Lectionen eingetheilt, zum Gebrauch für die Jugend, und für diejenigen, welche diese Sprachen anfangen zu erlernen von Johann Philipp Wegelin», 1792), «Новые немецкие и российские разговоры для начинающих. С собранием слов и легких речений, способствующих к изучению языка, и излагающих практически многие части Грамматики по образцу Перрена и Ллойда» («Neue Deutsche und Russische Gespräche, ein Erleichterungsmittel für Anfänger, nach Perren und Lloid», 1830). Русско-немецкие разговорники, относящиеся ко второй половине XIX в., могут содержать указание на цель — использование в туристической поездке: «Русско-немецкие разговоры для туристов» (1900). Разговорник 1886 г. предназначен, как и немецкие издания, для обучения иностранному языку: «Русские и немецкие разговоры, составленные учителями немецкого языка Рейфом и Золотовым».

Предлагая изучающим иностранный язык или туристам коммуникативный минимум в виде устойчивых языковых единиц,

авторы разговорников не могут обойтись и без формул вежливости, которые соответствуют представленным в разговорнике ситуациям общения. Категория вежливости может выражаться в разных речевых актах. А. Г. Балакай в «Словаре русского речевого этикета» выделяет десять тематически объединенных рядов речевого этикета («приветствие», «знакомство», «пожелание», «соболезнование» и т. д.) [Балакай 2001]. В рамках проводимого исследования мы ограничиваемся тематическими группами «просьбы» (согласие, положительный ответ на просьбу, предложение, распоряжение, несогласие, возражение, отказ) и «комплименты/похвала/одобрение» (ответы на похвалу, комплименты), в которых наиболее последовательно в культурно-историческом и социальном планах реализуется категория вежливости. Примечательно, что некоторые разговорники в названии раздела содержат указание на прагматическую направленность представленных в нем фраз и выражений (*Приказывать / Um zu befehlen, Изъявления благодарности / Dank, Danksagungen*) или на их вежливый характер (*Способы изъясняться учтиво / Höfliche Manieren sich auszudrücken, Учтивые речения, приличные к столу / Höfliche den Tisch betreffende Redensarten*).

4.1. Реализация категории вежливости в речевом акте «просьба»

Одним из наиболее распространенных речевых актов в разговорниках является просьба, трактовка которой отличается у разных исследователей. С одной стороны, просьба может рассматриваться как «некатегорическое побуждение, не подразумевающее обязательности исполнения» [Городникова, Добровольский 1998: 52], с другой стороны, ее называют также и «опасным» коммуникативным действием [Fasold 1990: 58], так как обращение к кому-либо с просьбой, как правило, имплицитно подразумевает и ее выполнение. Соответственно, либо просящий позиционирует себя как занимающего вышестоящую социальную позицию, либо выполнение просьбы является следствием близких отношений собеседников. Важно отметить, что просьба в рамках проводимого исследования понимается именно как «опасное» коммуникативное действие, соответственно включает в себя также распоряжение, указание, приказ.

В главах, предполагающих общение равных по положению людей (*Разговор между двумя девицами / Unterredung zwischen zwei Frauenzimmern, С знакомым / Mit einem Bekannten*), встречаются следующие просьбы:

- (1) *Ich bitte Sie unterthänigst.* — *Всепокорно прошу* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 28].
- (2) *Erzeigen Sie mir die Gnade. (den Gefallen).* — *Окажите мне милость (любовь)* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 28].
- (3) *Darf ich Sie noch um ein Stückchen Rindfleisch bitten?* — *Смью ли попросить у вас еще кусок говядины?* [Новые немецкие и российские разговоры для начинающих 1830: 137].
- (4) *Wollen Sie wohl die Gewogenheit haben mir das zu geben?* — *Не сдѣлаете ли милость дать мне это?* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 28].
- (5) *Gewähren Sie mir dies Zeichen Ihrer Freundschaft.* — *Окажите мне сей знакъ дружества* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 28].

Универсальным для обоих языков маркером вежливой просьбы выступает официальное обращение на «вы» (*Sie*). В немецком варианте просьба выражается глаголом *bitten* (1), фразы с которым считаются «стандартным полным выражением вежливой просьбы» [Городникова, Добровольский 1998: 52], но в издании конца XVIII в. дополняются вышедшим из употребления наречием в превосходной степени *untertänigst* (1). Прилагательное *untertänig*, лексически связанное с готовностью служить воле вышестоящего, подчеркивает вежливость высказывания, указывает на высокопарный характер распространенных в рассматриваемый период формул вежливости. Кроме того, вежливость выражается лексемами *die Gnade (den Gefallen)* в сочетании с глаголом высокого стиля *erzeigen* (2). В немецко-русском словаре речевого общения отмечается, что просьбы с лексемой *Gefallen*, вопросы с модальным глаголом *dürfen* в сочетании с *bitten* (3), а также с модальным глаголом *wollen* (4) употребляются обычно по отношению к лицу более высокого социального статуса и могут использоваться иронически (в современном варианте немецкого языка) [Городникова, Добровольский 1998: 53], что свидетельствует об историческом переосмыслении стилистики употребления некоторых устойчивых

языковых единиц. Выражение *Gewähren Sie mir dies Zeichen Ihrer Freundschaft* (5) не нашло отражения в словаре и, вероятно, является устаревшим. В русском варианте перевода также сочетаются стандартные, стилистически нейтральные формулы вежливости (глагол *просить*) с лексическими единицами возвышенного стиля — *всепокорно (прошу)* (1), *смею ли (попросить)* (3). Выражения *Окажите милость / любовь / сей знак дружества* в современном коммуникативном поведении русских также используются для иронического окраса высказывания.

Если глава разговорника состоит из фраз для общения со слугами или с обслуживающим персоналом (*Как говорить с конюхом / Mit einem Stallknecht zu sprechen; Говорить с баимачником / Mit einem Schuster zu sprechen; Говорить с портным и с продавцом сукна / Mit einem Schneider und Tuchhändler zu sprechen*), то и в русском, и в немецком варианте просьба выражается исключительно императивами (6–8), что, вероятно, демонстрирует отсутствие учтивости по отношению к людям низшего социального положения. При этом форма множественного числа глагола в русском варианте *уберите* (8), который может являться как обращением к нескольким слугам, так и вежливым (на «вы») обращением к одному, трактуется в немецком переводе как вежливое обращение за счет местоимения *Sie*.

- (6) *Не забудь съесть хороший соус! — Vergiß nicht ein gute Souce zu tachen* [Русские и немецкие разговоры 1886: 17].
- (7) *Позови ко мне кухарку! — Rufe die Köchin zu mir!* [Русские и немецкие разговоры 1886: 13].
- (8) *Уберите со стола! — Räumen Sie den Tisch auf!* [Русские и немецкие разговоры 1886: 13].

Диалог (9), сопровождающий совместный обед двух приятелей, наглядно демонстрирует разницу в обращении с другом (формула вежливости *будьте так добры* / немецкий эквивалент *wollen Sie so gut sein* и обращение на «вы»/*Sie*) и со слугой, общение с которым проходит исключительно в форме императивов-приказаний, и в некоторых случаях на «ты». В данном диалоге в переводе на немецкий язык снова появляется отсутствующий в оригинале маркер вежливости — лексема *bitte*:

- (9) — *Будьте так добры, позвоните! — Wollen Sie so gut sein zu klingeln.*

— *Принесите намъ еще кипятку!* — *Bringen Sie uns noch siedendes Wasser, bitte!*

— *Поторопитесь!* — *Seien Sie aber fix!*

— *Унеси прочь эту тарелку!* — *Nimm diesen Teller weg!* [Русские и немецкие разговоры 1886: 12].

Для ситуаций общения с обслуживающим персоналом, например с работником общественных бань (10), с носильщиком (11), с официантом (12), также не предлагаются формулы вежливости, просьба выражена императивом, но к собеседнику обращаются на «вы» (Sie):

(10) — *Въ которомъ часу я могу купаться?* — *Um wie viel Uhr kann ich baden?*

Въ четыре часа послѣ обѣда. — *Um vier Uhr Nachmittags.*

Это для меня неудобно. — *Das ist mir ungelegen.*

Дайте мнѣ другой часъ. — *Bestimmen Sie mir eine andere Stunde* [Русско-немецкие разговоры... 1900: 25].

(11) *Возьмите мой кофѣр. Отнесите его въ таможеню.* — *Nehmen Sie meinen Koffer. Tragen Sie ihn in das Zollhaus* [Русско-немецкие разговоры... 1900: 19].

(12) *Дайте мнѣ чего нибудь позавтракать.* — *Geben Sie mir etwas zu frühstücken* [Русско-немецкие разговоры... 1900: 35].

Речевой акт «просьба» часто реализуется в ситуациях приглашения в гости:

(13) *Сдѣлайте мнѣ удовольствіе, приходите обѣдать съ нами завтра!* — *Machen Sie mir das Vergnügen, kommen Sie morgen zu uns, um mit uns zu Mittag zu essen* [Русские и немецкие разговоры 1886: 68].

(14) *Unterlassen Sie nicht zu kommen.* — *Придитежь пожалуйста* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 17].

Во фразах на русском языке категория вежливости выражается лексемой *удовольствие* (*сделайте мне удовольствие*) (13), императивом с разговорной частицей *ж*, которая служит для эмоционального подчеркивания глагола *придите ж пожалуйста* (14). В немецких предложениях маркерами вежливости выступает лексема *Vergnügen* (13), императив с отрицанием *unterlassen Sie nicht zu kommen* (14).

4.2. Реализация категории вежливости в ответах на просьбу

Представленные в разговорниках диалоги не только иллюстрируют коммуникативные нормы выражения вежливой просьбы, но и предлагают шаблоны вежливого ответа на просьбу, который, как правило, представлен в форме согласия, указывающего как на готовность выполнить конкретную просьбу, так и на честь в любой форме услужить собеседнику:

- (15) *Von Herzen gern.* — *Отъ всего усердія* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 29].
- (16) *Sie dürfen nur befehlen.* — *Извольте только приказать* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 29].
- (17) *Ich warte nur auf Ihren Befehl.* — *Я ожидаю только вашего повелѣнія* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 29].
- (18) *Beehren Sie mich mit Ihren Befehlen.* — *Удостоите меня вашими приказаніями* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 29].
- (19) *Ich werde mir jederzeit ein Vergnügen daraus machen Ihnen zu dienen.* — *Я во всякое время за удовольствіе почту вамъ служить* [Собрание: 32].
- (20) *Ich bin ungemein erfreut, daß ich die Gelegenheit finde, Ihnen zu dienen.* — *Я несказанно радъ, что нашелъ случай вамъ служить* [Собрание: 31].
- (21) — *Могу я у васъ попросить отръзать мнѣ кусочекъ пирога? — Kann ich Sie bitten mir ein Stückchen Kuchen ab zu schneiden? — Я сдѣлаю это съ большимъ удовольствіемъ. — Ich werde es mit dem größten Vergnügen thun* [Русские и немецкие разговоры 1886: 12].

Речевые шаблоны для согласия выполнить просьбу варьируются от коротких реплик (15) до сложноподчиненных предложений (20). В немецких диалогах распространенной лексемой выступает *befehlen* (16–18), которая снова отсылает к традиции ставить собеседника выше, выражая этим почтительное отношение к нему. Кроме того, сама возможность услужить представляется честью (*Beehren Sie mich*) и связана с большим удовольствием (*Vergnügen*). В русском варианте также неоднократно встречается лексема *удовольствие* (19, 21), императивы *удостоите* (18), *извольте* (16) и выражение радости от возможности услужить: *я несказанно рад* (20).

Примечательно, что в двух обучающих немецко-русских разговорниках конца XVIII в. отсутствуют языковые формы выражения отказа. Составители как будто навязывают выполнение любой просьбы собеседника.

В других изданиях отказ непременно сопровождается формулами вежливости и объективным обоснованием причины отказа:

- (22) — *Мой [зонт] сломанъ; одолжите мнѣ, пожалуйста, вашъ! — Der meinige ist zerbrochen, leihen Sie mir, bitte, den Ihrigen. — Я бы одолжилъ его съ удовольствіемъ, но я не знаю, гдѣ онъ. — Ich würde Ihnen denselben mit Vergnügen leihen, ich weiß aber nicht, wo er ist* [Русские и немецкие разговоры 1886: 43].

В русском тексте вежливость реализуется лексемой *пожалуйста*, сослагательным наклонением глагола-сказуемого и устойчивым выражением *с удовольствием*, в немецком — эквивалентными языковыми единицами: лексемой *bitte*, сослагательным наклонением *würde leihen* и выражением *mit Vergnügen*.

Если собеседник готов выполнить просьбу, то высказывается беспокойство по поводу доставленных хлопот (23), (24), (25), а иногда упоминается и чувство стыда (26). Нормы вежливости XVIII–XIX вв., вероятно, предписывали подобное сопровождение просьбы для «сохранения лица» просящего:

- (23) *Ich befürchte Ihnen beschwerlich zu fallen. — Я опасаясь, чтобъ васъ не утрудить* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 31].
- (24) *Мнѣ весьма неприятно, что я васъ затрудняю. — Ich bedaure die Mühe, die ich Ihnen gemacht habe!* [Русско-немецкие разговоры... 1900: 11].
- (25) *Ich befürchte Ihre Güte zu misbrauchen. — Я опасаясь во зло употребить вашу благосклонность* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 30].
- (26) *Sie beschämen mich. — Мнѣ предъ вами совѣстно* [Новые немецкие и российские разговоры для начинающих 1830: 45].

Коммуникативная ситуация «просьба/приглашение — ответ на просьбу/приглашение» также позволяет проследить некоторые нормы коммуникативного поведения. Так, в ответ на просьбу-приглашение принято выражать благодарность (27), заверять, что

предложение принято, и беспокоиться по поводу хлопот, которые может повлечь за собой посещение (28):

- (27) — *Я вамъ очень благодаренъ и непременно приѣду.* — *Ich bin Ihnen sehr dankbar und werde gewiß kommen* [Русские и немецкие разговоры 1886: 68].
- (28) — *Я непременно посетю васъ, но такъ какъ я знаю, что вы очень заняты, то я прошу васъ назначить день, который для васъ самый удобный.* — *Ich werde Sie gewiß besuchen, aber ich weiß, daß Sie sehr beschäftigt sind, und bitte Sie mir den Tag anzuzeigen, welcher für Sie am gelegensten ist* [Русские и немецкие разговоры 1886: 68].
- (29) — *Вы можете приходить, когда вамъ угодно: мы всегда вамъ будемъ рады.* — *Sie können kommen, wann es Ihnen gefällig ist: Sie werden uns immer willkommen sein* [Русские и немецкие разговоры 1886: 68].

Формулам вежливости *очень благодарен, непременно приѣду, непременно посетю* соответствуют немецкие эквиваленты *sehr dankbar, werde gewiss kommen, werde gewiss besuchen*.

Своеобразным показателем вежливости хозяина выступает извинение, оправдывающее недостаточную подготовку к визиту гостя (неожиданный визит не рассматривался, таким образом, как нарушение правил приличия), за которым следует просьба *не делать околичности* с друзьями и некое смягчение церемониала за счет выражения ненависти к «околичностям»:

- (30) — *Hätte ich gewußt, daß Sie kommen wollten, so würde ich etwas mehr bestellt haben.* — *Если бы я зналъ, что вы придете, то я приказалъ бы что нибудь еще приготовить* [Новые немецкие и российские разговоры для начинающих 1830: 87].
- (31) — *Ich bitte entschuldigen Sie sich nicht; lassen Sie uns als Freunde keine Umstände machen.* — *Прошу васъ не извиняться, какъ друзья не станемъ дѣлать околичностей* [Новые немецкие и российские разговоры для начинающих 1830: 87].
- (32) — *Das ist am besten; ich hasse die Umstände.* — *Это лучше всего; я ненавижу околичности* [Новые немецкие и российские разговоры для начинающих 1830: 87].

Составители разговорников тем самым одновременно предписывают сопровождать просьбу выражением готовности услужить,

благодарности, обеспокоенности, но и заверением в том, что благодарность не нужна и беспокоиться о доставленных хлопотах не стоит, так как «служение» другу воспринимается как удовольствие «во всякое время». Подобное противоречие подчеркивает конвенциональный характер вежливости в целом и всех представленных в разговорниках вежливых коммуникативных практик в частности.

4.3. Реализация категории вежливости в речевом акте «комплимент» (похвала/одобрение)

Направленность разговорника на употребление представленных в нем коммуникативных единиц в речи позволяет выделить ситуации, в которых было принято выражать комплименты, похвалу, одобрение. Примечательно, что комплимент как выражение положительной оценки качеств или внешнего вида собеседника встречается лишь в нескольких фразах (33–35). Положительно оценивается доброта собеседника (33), предмет гардероба (34). Имплицитная положительная оценка внешности заключена также в выражении радости по поводу «доброго здоровья» собеседника (35):

- (33) *Вы, действительно, очень добры.* — *Sie sind wirklich zu gültig*
[Русско-немецкие разговоры... 1900: 11].
- (34) — *Nehmen sie ihren Muff.* — *Возьмите муфту.*
— *Sie haben einen hübschen Muff.* — *Вы имѣете хорошую муфту.*
— *Eine schöne Pelzmütze.* — *Хорошую шапку* [Новые немецкие и российские разговоры... 1792: 59].
- (35) *Ich bin sehr erfreuet, daß ich die Ehre habe, sie gesund zu sehen.* —
Я весьма радуюсь, что имѣю честь видѣть васъ въ добромъ здо-
ровьи [Собрание... 1783: 16].

Разговорники содержат гораздо большее количество шаблонов для оценивания достижений приятеля, например, в рисовании (36), в изучении французского языка (37) или в умении ухаживать за садом (38):

- (36) — *In der That, Sie überraschen mich; wie! Sie haben es nie gelernt?* —
В самом дѣлѣ, вы изумляете меня; какъ! вы никогда не учились.
— *Nein, ich versichere Sie.* — *Нѣтъ, увѣряю васъ.*
— *Sie haben ein vorzügliches Talent zum Zeichnen.* — *У васъ отлич-*
ная способности къ рисованію [Русские и немецкие разговоры
1886: 125].

- (37) — *Sie hören, daß ich eben anfangе, es zu sprechen.* — *Вы слышите, что я только что начинаю говорить по Французски.*
 — *Sie sprechen es ziemlich gut aus.* — *Вы выговариваете довольно хорошо [Русские и немецкие разговоры 1886: 117].*
- (38) — *У васъ вѣрно очень хорошій садовникъ.* — *Sie haben gewiß einen sehr guten Gärtner.*
 — *Нѣтъ, у меня нѣтъ садовника: я самъ занимаюсь своимъ огородомъ.* — *Nein, ich habe keinen Gärtner: ich beschäftige mich selbst mit meinem Garten.*
 — *Вы очень искусны.* — *Sie sind sehr geschickt [Русские и немецкие разговоры 1886: 47].*

В ответ на комплименты принято выказывать скромность, заверяя собеседника в преувеличении заслуг (39):

- (39) — *Sie reden schon ziemlich gut.* — *Вы говорите очень хорошо.*
 — *Sie schmeicheln mir.* — *Вы льстите.*
 — *Ich schmeichele ihnen nicht.* — *Я ни мало не льщу [Собрание... 1783: 75].*

Кроме того, вежливость предписывает и выражение комплимента за счет возвышения собеседника и преуменьшения собственных заслуг:

- (40) *Ich wollte, daß ich so gut französisch könnte, als sie.* — *Я желалъ бы знать столько по Французски, какъ вы [Новые немецкие и русские разговоры... 1792: 76].*
- (41) *Ich kann nicht mit Ihnen spielen; Sie spielen viel besser als ich.* — *Я не могу съ вами играть; вы гораздо лучше меня играете [Русские и немецкие разговоры 1886: 80].*
- (42) — *Sie schreiben sehr gut.* — *Вы умѣете хорошо писать.*
 — *Ich schreibe nicht so gut als sie.* — *Я не такъ хорошо пишу, какъ вы.*
 — *Sie schreiben besser als ich.* — *Вы пишете лучше меня [Собрание... 1783: 127].*

В гостях комплименты, выражающие скорее положительную оценку, служат лишь выражением учтивости, описывают характерный для времени издания разговорника церемониал. Так, встречается эксплицитная положительная оценка чайных приборов (43–45) и приготовленных блюд (46):

- (43) *У васъ очень красивый чайный приборъ. — Sie haben ein sehr hübsches Theeservice* [Русские и немецкие разговоры 1886: 13].
- (44) *Этотъ чайникъ очень красивъ. — Diese Theekanne ist sehr geschmackvoll* [Русские и немецкие разговоры 1886: 13].
- (45) *У васъ прекрасный фарфоръ. — Sie haben sehr schönes Porzellan* [Русские и немецкие разговоры 1886: 85].
- (46) — *Diese Speisen sind wohl gekocht. — Это кушанье хорошо изготовлено.*
— *Sie machen Appetit. — Оно вкусно* [Собрание... 1783: 32].

Интересно, что представленные выше диалоги не предполагают выражения благодарности в ответ на комплименты, что также подчеркивает их условный, конвенциональный характер. Положительная эксплицитная оценка в представленных примерах отражает принятые в культурном сообществе (как немецком, так и русском) нормы вежливости.

5. Выводы

Таким образом, проведенный анализ наглядно демонстрирует, что в разговорниках XVIII–XIX вв. категория вежливости могла реализовываться языковыми единицами, которые были распространены в коммуникативном поведении немцев и русских в XVIII–XIX вв., но большинство из которых вышло из употребления или в современных реалиях общения используется в манерном, ироническом смысле: *Erzeigen Sie mir die Gnade. (den Gefallen). — Окажите мнѣ милость (любовь) / Gewähren Sie mir dies Zeichen Ihrer Freundschaft. — Окажите мнѣ сей знакъ дружества.*

Большое разнообразие шаблонов как для выражения просьбы, так и для ответа на просьбу указывает на распространенный, универсальный характер этой коммуникативной практики. При этом наблюдается социальная стратификация: речевые акты «приказ» и «указание» встречаются только в обращении с людьми, которые расцениваются как представители более низкого социального класса. Сравнение языкового оформления просьбы в главах, предполагающих общение между представителями одного социального класса, с просьбами, обращенными к слугам или к обслуживающему персоналу, показывает, что в разговоре с равными просьба сопровождается вежливо оформленным согласием (за редким ис-

ключением), речевым актом «благодарность», выражением беспокойства по поводу доставляемых хлопот, а также заверением в отсутствии необходимости беспокоиться. Речевой акт «просьба» в общении с нижестоящими представляет собой исключительно императивно выраженную просьбу, которая в некоторых вариантах перевода на немецкий язык приобретает более вежливый характер, нежели в оригинале.

Важно отметить, что именно в главах, предполагающих общение между равными по социальному положению людьми, языковые средства искусственно подчеркивают некоторое неравенство собеседников, что является конвенциональным способом выражения почтительного отношения к партнеру по коммуникации. Такими языковыми средствами выступают глаголы *befehlen*, *dienen*, наречие *untertänigst* в немецком языке и глаголы *приказывать*, *повелевать*, *служить* — в русском. Универсальным для русского и немецкого языка способом маркировки вежливого отношения к собеседнику можно назвать обращение на «вы» (*Sie*), а также устойчивое выражение *с удовольствием* (*mit Vergnügen*).

Речевой акт «комплимент» подчеркивает дружественный тон разговорников XVIII–XIX вв., цель которых (в отличие от современных туристических) заключалась не столько в получении от собеседника конкретной информации, сколько в установлении дружеского контакта, личных приятельских отношений. Комплимент, в отличие от просьбы, не сопровождается выражением благодарности, что говорит о его условном характере.

Разговорники, как было показано, являются отражением эпохи, в которую создавались, что наблюдается в упоминании не только реалий жизни, но и реалий коммуникативного поведения, неотъемлемой частью которого, о каком историческом периоде ни шла бы речь, выступает вежливость.

Перспективным направлением дальнейшего исследования представляется изучение адекватности перевода в разговорниках разных эпох, рассмотрение способов выражения вежливости в других речевых актах и в сравнении с разговорниками XX и XXI вв.

Источники иллюстративного материала

Балакай А. Г. Словарь русского речевого этикета: 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-ПРЕСС, 2001. 672 с.

Городникова М. Д., Добровольский Д. О. Немецко-русский словарь речевого общения. М.: Русский язык, 1998. 332 с.

Новые немецкие и российские разговоры для начинающих. СПб.: Тип. Императорского воспитательного дома, 1830. 157 с.

Новые немецкие и российские разговоры, разделенные на 130 уроков, для употребления юношеству и всем начинающим учиться сим языкам / изд. И. Ф. Вегелином. М.: Тип. Селивановского и товарища, 1792. 192 с.

Русские и немецкие разговоры / сост. Ф. И. Рейф и П. А. Золотов. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1886. 88 с.

Русско-немецкие разговоры для туристов / сост. А. П. Ненашев. М.: Т-во тип.-лит. «Владимир Чичерин», 1900. 31 с.

Собрание употребительных речений / пер. И. Ф. Вегелин. М.: Университетская тип. у Н. Новикова, 1783. 140 с.

Литература

Баева Г. А. Развитие типа текста «разговорник»: между словарем и учебником (на материале ранних немецко-русских и русско-немецких разговорников) // *Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете*. Вып. 10. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2021. С. 113–136.

Грайс Г. П. Логика и речевое общение // *Новое в зарубежной лингвистике* / под ред. Е. В. Падучевой. М.: Прогресс, 1985. Вып. XVI. С. 217–238.

Лазуткина Е. М. Этика речевого общения и этикетные формулы речи / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяевой. М.: Норма, 2000. 560 с.

Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 512 с.

Левченко Г. А. Словарь-разговорник в России: к вопросу об истории жанра // *Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006. № 3. С. 145–156.

Норман Б. Ю. Жанр разговорника: между текстом и языком // *Жанры речи: сборник науч. статей*. Саратов: Колледж, 2002. С. 171–186.

Савич Н. Г. Из истории русско-немецких культурных связей в XVII веке (Немецко-русский словарь-разговорник Г. Невенбурга 1629 г.) // *Исторические записки*. Т. 102. М.: Наука, 1978. С. 246–286.

Сидорова О. Г. Учебные англо-русские разговорники XVIII — начала XIX веков // *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2016. № 3 (30). С. 109–120.

Формановская Н. И. Культура общения и речевой этикет. М.: Икар, 2005. 250 с.

Auer P. Sprachliche Interaktion // *Eine Einführung anhand von 22 Klassikern* 2., aktualisierte Auflage. De Gruyter, 2013. S. 95–106.

- Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Fasold R. *Sociolinguistics of Language*. Oxford: Blackwell, 1990. 342 p.
- Koch K. *Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18. Jahrhunderts*. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2002. 478 S.
- Leech G. *Principles of Pragmatics*. London; New York: Longman, 1983. 250 p.
- Vorderwülbecke K. *Höflichkeit in Linguistik, Grammatik und DaF-Lehrwerk // Höflichkeitsstile / H.-H. Lüger (Hrsg.)*. Frankfurt a. M.: Lang, 2001. S.27–46.

References

- Auer P. *Sprachliche Interaktion. Eine Einführung anhand von 22 Klassikern 2.*, aktualisierte Auflage. De Gruyter, 2013, S.95–106.
- Baeva G. A. Development of the “phrasebook” — type text: between the textbook and the dictionary (Based on Early German-Russian and Russian-German phrasebooks). *Nemetskaiia filologiiia v Sankt-Petersburgskom gosudarstvennom universitete, iss. 10*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2021, pp. 113–136. (In Russian)
- Brown P., Levinson S. C. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 345 p.
- Fasold R. *Sociolinguistics of Language*. Oxford, Blackwell, 1990. 342 p.
- Formanovskaia N. I. *Culture of communication and speech etiquette*. 2nd ed. Moscow, Ikar Publ., 2005, 250 p. (In Russian)
- Grice H. P. *Logic and Conversation. Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. Moscow, Progress Publ., 1985, iss. 16, pp. 217–238. (In Russian)
- Koch K. *Deutsch als Fremdsprache im Russland des 18. Jahrhunderts*. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2002, 478 S.
- Larina T. V. *Category of Politeness and Communication Style: Comparison of English and Russian Linguistic and Cultural Traditions*. Moscow, Rukopisnye pamiatniki Drevnei Rusi Publ., 2009, 512 p. (In Russian)
- Lazutkina E. M. *Ethics of speech communication and etiquette formulas of speech*. Ed. by L. K. Graudina, E. N. Shiryayeva. Moscow, Norma Publ., 1998. 560 p. (In Russian)
- Leech G. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman, 1983. 250 p.
- Levchenko G. A. *Phrasebook in Russia: The history of genre Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*, 2006, no. 3, pp. 145–156. (In Russian)
- Norman B. Iu. *Phrasebook Genre: Between Text and Language. Zhanry rechi*, iss. 3. Saratov, Kolledzh Publ., 2002, pp. 171–186. (In Russian)
- Savich N. G. *From the History of Russian-German Cultural Ties in the 18th Century: (German-Russian Dictionary Phrasebook of G. Nevenburg, 1629)*. *Istoricheskie zapiski*, 1978, vol. 102, pp. 248–286. (In Russian)

Sidorova O. G. Educational English-Russian Phrasebooks of the 18th — Early 19th Centuries. *Otechestvennaia i zarubezhnaia pedagogika*, 2016, no. 3 (30), pp. 109–120. (In Russian)

Vorderwülbecke K. Höflichkeit in Linguistik, Grammatik und DaF-Lehrwerk. Lüger, Heinz-Helmut (Hrsg.): *Höflichkeitsstile*. Frankfurt a. M., Lang, 2001. S. 27–46.

Соколюк Мария Александровна

аспирант кафедры немецкой филологии СПбГУ

Адрес: Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Maria A. Sokoljuk

Postgraduate Student of German Philology Department, St. Petersburg State University,

Address: 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

E-mail: st072214@student.spbu.ru

Статья поступила в редакцию 20 января 2023 г.

Принята к публикации 26 апреля 2023 г.